

Путь прошел без приключений, и вскоре свадебный кортеж прибыл к дому жениха Худе.

Стоило паланкину коснуться земли, как подоспевшая Дума увела Цзи Хуайчжэня в комнату для новобрачных, чтобы тот поскорее сменил свадебный наряд. Следом за ними вошел и настоящий жених; он молча снял праздничные одежды, бережно сложил их и, убедившись, что всё в порядке, вышел вон.

Для окружающих это была лишь инсценировка, но для этой семьи свадьба была самой настоящей. Хуайчжэнь окинул комнату беглым взглядом: на столе горели две высокие свечи с узорами дракона и феникса, на окнах алели вырезанные из бумаги иероглифы «счастье», а за его спиной высилось брачное ложе, утопающее в красных шелках. Худе — его спасительница, чье имя «Бабочка» так подходило её яркому нраву — была на пороге самого важного события в своей жизни.

Цзи Хуайчжэнь по привычке хотел было нащупать что-нибудь ценное в своих рукавах, но пальцы лишь схватили пустоту.

В тот роковой день, когда прорыв не удался и вражеская стрела выбила его из седла, все его верные люди были перебиты на месте. Сам он едва уцелел, а уж о дорогих вещах и говорить нечего — всё его богатое убранство давно сгинуло в суматохе.

Когда-то в Шанцзине он швырял золото пригоршнями, а теперь, вынужденный скрываться под личиной Лу Ши, превратился в беглого узника, у которого не нашлось даже скромного подарка для той, кто сохранил ему жизнь.

На лице мужчины промелькнула тень давно забытого смущения. Дума, заметив это, мягко улыбнулась, собираясь сказать что-то ободряющее, но в этот миг в комнату стремительно вошел Сингэжилэ. Его лицо было бледным, а губы плотно сжаты — случилось что-то серьезное.

— Господин, беда! — выдохнул он. — Прибыли карательные отряды, повсюду обыски. Уйти сейчас невозможно. Наденьте платье обратно, накройте покрывалом и не смейте выходить.

Дума споро помогла Хуайчжэню вернуть прежний вид и поспешила вслед за мужем.

Как только дверь захлопнулась, «невеста», только что смиренно сидевшая на краю постели, сорвала с головы покрывало. Цзи Хуайчжэнь, охваченный холодным расчетом, бесшумно скользнул к окну.

Чуть приоткрыв створку, он увидел именно то, что и ожидал: Лже-Саньси, тайно следовавший за ними от самых ворот, уже распорядился своими людьми, приказывая обыскать дом.

Самозванец выглядел рассеянным, его хищный взгляд то и дело возвращался к дверям комнаты для новобранцев.

Хуайчжэнь холодно усмехнулся и закрыл окно.

Нога, до этого едва слушавшаяся его, теперь словно налилась силой. От предвкушения того, что должно было произойти, по телу пробежала дрожь, а сердце забилось в лихорадочном ритме. Пальцы леденели, но движения стали удивительно точными и быстрыми — казалось, сами боги ведут его руку. Он сорвал шнуры, стягивавшие полог кровати, и соорудил у входа простую, но надежную растяжку.

Выверив расстояние, Хуайчжэнь выхватил спрятанный кинжал и с силой вогнал его рукоятью в земляной пол так, чтобы острие смотрело точно вверх.

Он хотел подготовить еще несколько ловушек, но Лже-Саньси, томимый похотью, уже не мог больше ждать. Пользуясь суতোлкой во дворе, он проскользнул в комнату, воровато оглянувшись, чтобы убедиться, что его никто не заметил. Разумеется, он не увидел, как «невеста» за его спиной в последний миг успела занять свое место на кровати и набросить покрывало.

Самозванец издал гнусный смешок и приторно-сладким голосом позвал «деву Худе». Не глядя под ноги, он сделал шаг и тут же рухнул на пол. Его горло должно было в тот же миг встретиться со сталью, но в самую последнюю секунду Лже-Саньси успел упереться локтем в землю, чудом избежав смерти.

По его спине градом покатился холодный пот, а в душе шевельнулось облегчение. Однако Хуайчжэнь и ставил на эту мимолетную заминку, на эту краткую вспышку беспечности. Вскочив с кровати, он всем весом навалился на врага, не давая тому подняться. Одной рукой он намертво зажал ему рот, а другой, вцепившись в волосы, рванул голову вверх, с безупречной точностью насаживая его кадык на острие кинжала.

Человек под ним забился в конвульсиях, из его горла вырвался жуткий хрип. От невыносимой боли силы Лже-Саньси утратились, и казалось, он вот-вот сбросит с себя противника. Но стоило Хуайчжэню вспомнить унижения, пережитые в темнице, как вся прошлая боль обратилась в неистовую ярость. Он оказался сильнее: вновь рванув за волосы, он еще глубже вдавил шею врага в клинок.

Хуайчжэнь давил до последнего вздоха, пока тело под ним не обмякло.

Густая, багровая кровь толчками вытекала из раны, собираясь в темную лужу под обмякшим телом.

Он тяжело дышал, сквозь прорезь в покрывале не сводя глаз со своей жертвы. Спустя мгновение он сорвал с головы алый шелк и туго скрутил его в жгут.

Символизирующее свадебное торжество гайтоу в его руках превратилось в орудие смерти. С лицом, искаженным торжествующей гримасой, Хуайчжэнь, почти нежно, набросил петлю на шею Лже-Саньси. Румяна всё еще алели на его губах, делая лицо похожим на маску злого духа, а в глазах полыхала неприкрытая ненависть.

Он склонился над умирающим и прошептал ему на самое ухо:

— ...Я знаю, что ты еще жив, просто затаил дыхание. Я очень спешу, так что не стану мучить тебя сегодня. Но даю слово: когда я вернусь в Шанцзин, вся твоя семья отправится следом за тобой.

Договорив, Хуайчжэнь резко рванул концы покрывала в разные стороны. Раздался сухой, отчетливый хруст, похожий на звук разламываемого хряща. Тело самозванца в последний раз содрогнулось, и голова повалилась набок под неестественным углом — Хуайчжэнь собственными руками сломал ему шею.

— Слишком легкая смерть для тебя.

Он смерил труп презрительным взглядом, затем нащупал край за ухом покойника и сорвал мастерски сделанную маску. Перевернув тело лицом вверх, Хуайчжэнь замер.

Это лицо было ему знакомо.

Он смутно припомнил, что этого человека звали Хэ. Он принадлежал к фракции Лу Ши и долгое время крутился при нем, вечно влипая в какие-то грязные истории. Его отец, заместитель министра чинов, погиб от рук самого Хуайчжэня. Позже этот Хэ искал прибежища у своего дяди, но и ту семью Цзи Хуайчжэнь извел под корень — лишь этот недоумок уцелел, потому что в ту ночь пропал в борделе.

Теперь стало ясно, почему он так яростно избивал его в тюрьме. Старые обиды и новая вражда сплелись в один узел.

«Неужели это очередная пешка, от которой решили избавиться? — мелькнула в голове догадка. — Лу Ши не хотел марать руки сам и прислал его ко мне?»

Он снова угодил в расставленные сети.

Немного подумав, Хуайчжэнь нацепил маску обратно на лицо мертвеца.

Снаружи слышались шаги. Прежде чем Хуайчжэнь успел среагировать, дверь распахнулась.

Яньчи замер на пороге, ошеломленный кровавой картиной. Перед ним стоял Хуайчжэнь в алом

свадебном платье, жемчужные подвески на его короне всё еще подрагивали. Застигнутый врасплох, тот резко вырвал кинжал из земли и обернулся, его взгляд дышал убийственным холодом. Тело под ним дернулось, когда лезвие покинуло рану, и Яньчи, не успев осознать происходящее, вскрикнул:

— А Мяо, берегись!

Этот возглас заставил рассудок Хуайчжэня проясниться, а Яньчи — понять, что перед ним лежит не враг, а бездыханный труп.

Юноша поспешно захлопнул дверь. Заметив обрывки веревок и ямку в полу, где был спрятан кинжал, он в мгновение ока восстановил всю цепь событий.

— Ты специально заманил его сюда?

Он смотрел на Цзи Хуайчжэня, чьи руки были по локоть в крови, с выражением невыносимой горечи и отвращения.

Тому не привыкать было к подобным взглядам, но сейчас это презрение Яньчи вызвало в нем лишь глухое раздражение. Хуайчжэню всё еще нужна была помощь этого мальчишки, поэтому, решив не доводить дело до ссоры, он молча принялся заталкивать тело самозванца под кровать, намереваясь избавиться от него позже, когда солдаты уйдут.

Нога, которая минуту назад казалась здоровой, теперь начала подкашиваться от усталости.

Мертвецы всегда тяжелы и неповоротливы, словно созданы для того, чтобы лежать в гробу.

Закончив с телом, мужчина почувствовал, как силы окончательно покидают его. Горло сдавил приступ кашля — недавняя вспышка ярости была лишь обманчивым приливом сил перед полным истощением. Он кашлял так долго, что казалось, внутренности вот-вот разорвутся в клочья. Кое-как справившись с собой, он не позволил себе присесть. Ему нужно было чем-то занять руки, чтобы не смотреть на Яньчи и не ввязываться в бессмысленный спор.

Опустившись на корточки, Хуайчжэнь принялся вытирать кровь с пола собственным платьем.

Эта демонстративная беспечность стала последней каплей. Яньчи, не помня себя от гнева, схватил его за плечо и рывком поднял на ноги.

Жемчужные нити на короне отозвались тревожным перезвоном.

— Мы могли бы спокойно покинуть город! — прошипел Яньчи, едва сдерживая ярость. — Но тебе непременно нужно было потешить свою гордыню! Ты хоть на миг подумал о Сингэжилэ? О

его семье? Если бы ты не справился с ним, Худе и её родные поплатились бы жизнями за твою жажду крови!

Проклятый кашель снова подступил к горлу. Хуайчжэнь изо всех сил старался сдержаться, его грудь тяжело вздымалась, а перед глазами поплыли круги.

— Опять притворяешься?! — бросил ему в лицо Яньчи.

Цзи Хуайчжэнь с трудом перевел дух и вдруг рассмеялся — тихо и горько.

— Этот человек едва не лишил меня руки и сломал мне кость в лодыжке. В тюрьме он нанес мне пять ударов в лицо, трижды ударил наотмашь и восемнадцать раз полоснул плетью. Сегодня я лишь свернул ему шею, даровав быструю смерть. Он должен был на коленях благодарить меня за милосердие. Месть — дело праведное и естественное. Что в этом плохого?

Он говорил твердо, без тени раскаяния, и в его словах не было ни капли заботы о судьбе Сингэжилэ и его близких.

— Неужели только твоя жизнь имеет значение? А жизни других — пустой звук?

— У тебя хватило ума расставить ловушки, но не нашлось и секунды, чтобы подумать о ком-то другом? Хочешь сдохнуть — твое право, но не смей тянуть за собой невинных!

Когда им некуда было бежать, Сингэжилэ приютил их под своим кровом. Чтобы спасти их, Худе пожертвовала самым светлым днем в своей жизни. Но всё это тепло, всё это радушие не стоило для Хуайчжэня и ломаного гроша.

«Действительно, лицо бодхисаттвы, а сердце змеи. Истинный оборотень — прекрасен снаружи и прогнил внутри», — подумал Яньчи.

Цзи Хуайчжэнь встретил его взгляд. В памяти всплыла добродушная улыбка Сингэжилэ, его заботливая жена, озорная Худе и их славный младший брат.

За эти несколько дней он успел возненавидеть эту семью — за то, какими счастливыми они были, и за то, как сильно он им завидовал.

Но это было всё.

Другие жизни важны, но он никогда не умел идти на компромиссы.

— Ты ведь давно знал, кто я такой, — спокойно произнес Хуайчжэнь. — Неужели пожар в

Цинъюане оставил в тебе хоть каплю надежды? С чего ты взял, что я могу измениться?

— ...Лу Шии!

Яньчи буквально выплюнул это имя сквозь зубы. Его лицо потемнело от гнева, а кулак, бессильно висевший вдоль туловища, сжался так сильно, что побелели костяшки. Хуайчжэнь не сомневался: не будь привязанность юноши к Лу Шии столь велика, этот кулак уже давно бы размозжил его лживое и коварное лицо.

Цзи Хуайчжэнь лишь ядовито усмехнулся:

— Только что ты звал меня «А Мяо». Запомни это имя хорошенько. Никто другой не смеет так меня называть. Мне не нужно, чтобы ты видел во мне Лу Шии. Я хочу, чтобы ты звал меня А Мяо.

Они стояли друг против друга, не желая уступать ни пяди.

Гнев Яньчи постепенно сменялся холодным спокойствием. Он смотрел на Хуайчжэня взглядом, в котором мешались разочарование и бесконечная усталость.

Эта внезапная тишина не была прощением. Это было осознание того, что оправданий больше не осталось.

— Почему ты всегда так поступаешь? — негромко спросил он.

Стоило Яньчи хоть немного смягчиться, как Хуайчжэнь наносил сокрушительный удар, заставляя его снова и снова осознавать: они никогда не пойдут одной дорогой.

Сначала было пламя в Цинъюане, теперь — эта бессмысленная жестокость, поставившая под удар жизни четырех невинных людей ради минутной прихоти.

А ведь всего час назад этот человек прижимался к нему. В огненно-красном наряде, с жемчужинами в волосах, он выглядел не как кроткая невеста, а как блестящий чжуанюань — юный победитель, полный жизни и отваги. Он умолял дать ему еще один шанс...

Он всегда срывал свою маску именно тогда, когда Яньчи начинал верить ему. Срывал ее с кровью, доказывая, что он — Лу Шии — действительно изменился, стал эгоистичным, жестоким и беспринципным.

Казалось, что истинный Лу Шии — это тот монстр, что стоит перед ним сейчас. А тот благородный юноша из воспоминаний о Шанцзине был лишь зыбким миражом.

Глядя в глаза Яньчи, Цзи Хуайчжэнь тоже вспомнил ту ночь в монастыре. Тогда он думал, что они расстанутся навсегда. И вот судьба снова столкнула их, чтобы он мог насладиться этим ледяным презрением во взгляде юноши.

Ему хотелось расхохотаться, хотелось осыпать его бранью, хотелось вырвать эти прекрасные, говорящие глаза, которые так красноречиво смотрели на него.

«Я ненавижу этот взгляд, полный пепла и разочарования», — Хуайчжэнь заставил себя умолкнуть.

Этот человек всё еще был ему нужен. Без него не добраться до Вэньяна, да и в будущем он мог сослужить добрую службу. Сейчас нельзя было обрывать эту нить.

Он убеждал себя в этом, подавляя в душе странную смесь паники и горькой обиды.

Хуайчжэнь выдавил из себя улыбку и потянулся к руке Яньчи. Один раз солгать было трудно, но дальше притворство давалось всё легче.

— Я виноват... — проговорил он с напускным раскаянием. — Не должен был думать только о своей мести. Как только солдаты уйдут, я обязательно извинюсь перед Худе, хорошо? Сяо Янь, не сердись на меня.

Яньчи холодно оттолкнул его руку.

Лицо Хуайчжэня помрачнело, самообладание едва не изменило ему, но в этот момент Яньчи резко обернулся к окну.

Хуайчжэнь проследил за его взглядом. Сквозь мутную бумагу на окнах было трудно что-то разобрать, но силуэт отряда стражников, направлявшихся к дому, угадывался безошибочно.

Спор был забыт. Хуайчжэнь поспешно опустил полог кровати, скрывая труп, и, убедившись, что на полу не осталось и пятнышка крови, набросил покрывало и сел на постель.

Яньчи же наскоро натянул свадебные одежды, оставленные женихом Худе, и сел рядом. Это была комната новобрачных, и любое другое положение дел вызвало бы подозрение.

Они успели вовремя. Спустя мгновение за дверью раздался суровый, властный голос:

— Открывайте! Нам нужно осмотреть эту комнату.

Хуайчжэнь замер, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Он узнал этот голос. Это был Лян

Чунгуан.

А Лян Чунгуан видел Яньчи раньше.

<http://bllate.org/book/15318/1412291>